

Екатерина Шкурат

След на сърдце

18+

Екатерина Шкурат

След на сердце

<https://litres.ru/74398544>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга - о любви. О любви к родному городу, семье, близким, любимому делу и, конечно же, к человеку, который стал особенной частью моей жизни. Это биографическая книга - моя настоящая история. Но, став её героиней, я словно осталась за кадром: мои чувства, переживания и воспоминания нашли отражение в образе мужчины, от имени которого ведётся этот рассказ. Возможно, вы спросите: почему именно так? Но разве это имеет значение? Ведь истинная история моей жизни гораздо глубже, чем слова, которыми она была передана на страницах этой книги. Я верю, что каждый читатель сможет найти здесь частичку себя: свои чувства, воспоминания, потери и надежды.

Эта книга посвящается человеку, который оставил неизгладимый след в моём сердце.

Содержание

Екатерина Шкурат	4
СЛЕД НА СЕРДЦЕ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	43

След на сердце

Екатерина Шкурат

СЛЕД НА СЕРДЦЕ

*Посвящается той, которая выжгла
на моём сердце след в виде цифры два.*

02.1

Эта история, на первый взгляд, ничем не отличается от сотен других. Мы все видели фильмы о безумной любви – той самой, от которой перехватывает дыхание; читали романы, где вместе с героями переживали каждое их чувство, страдали и радовались, будто всё происходящее – часть нашей собственной жизни. В таких историях, как правило, всё заканчивается счастливо: за поцелуем следует рассвет, за испытаниями – долгожданный покой. Но, как и в кино, в жизни не всегда всё так красиво.

На днях я услышал одну историю. Историю, что произошла на самом деле – не вымысел, не сценарий, не очередная мелодрама, а жуткая правда человеческой жизни. Случилось это в небольшом городе, в Серпухове. Жила там пара – вроде бы самая обычная. Любовь, общие мечты, разговоры о будущем, о доме, о семье... Всё, как у многих. И вдруг что-то

непостижимое, то, что не укладывается в человеческое понимание.

Я не берусь передавать всё слово в слово – слышал я этот рассказ от разных людей, и каждый добавлял что-то своё. Но итог всегда оставался одним и тем же: он не смог отпустить. Не захотел смириться с тем, что любимый человек решил уйти. И тогда любовь – если это вообще можно так назвать – превратилась в одержимость, в страшную, безжалостную силу. Он решил, что если не может удержать её рядом, то хотя бы оставит на ней свой след – клеймо боли и страдания. Он увёз её в лес. И всё, что там произошло, – это то, о чём не хочется говорить. Не потому, что не хватает слов, а потому, что любое слово будет слишком мягким, чтобы передать весь ужас. Наоборот – сознательно не допустил смерти. Он хотел, чтобы она жила. Чтобы жила и каждый день заново переживала ту боль, которую он ей причинил. Жуткое, безумное преступление, и в то же время страшное зеркало того, во что способна превратиться любовь, когда теряет человечность.

Я не стану пересказывать подробности. Думаю, многие уже слышали или видели эту историю – о той девушке, которая выжила. И знаете, в ней есть нечто парадоксальное: несмотря на весь ужас, она всё же смогла найти силы жить дальше. Судьба подарила ей человека, который действительно смог оценить её, защитить, согреть. И сейчас, как говорят, она счастлива. Странно, но в этой мрачной истории всё

же появился свой «хеппи-энд». Вот только – можно ли это назвать любовью?

В моей истории не будет шокирующих событий и громких заголовков. Здесь не будет ни жестокости, ни кровавых развязок, ни того, что заставляет содрогнуться. Всё, о чём я пишу, – правда. Простая, живая, порой болезненная, но оттого не менее настоящая. Это история, основанная на реальных событиях – на том, что действительно случилось. Кому-то она может показаться скучной, лишённой остроты и драматизма. Кому-то – наивной, даже глупой. Но, возможно, кто-то из вас узнает в этих строках самого себя. Увидит в них отражение собственных чувств, своих потерь, своих надежд. Ведь каждый хотя бы раз в жизни любил – по-настоящему, всем сердцем, без остатка. Я тоже любил. И, как бы ни шло время, этот человек оставил на моём сердце след – не болезненный, но неизгладимый. Пятно, которое не смыть ни словами, ни временем. Оно живёт во мне – тихо, где-то в глубине, напоминая о том, что однажды я чувствовал.

02.2

Интересно, как люди понимают, что значит любить? Я часто задумываюсь об этом и прихожу к выводу, что многие заблуждаются, путая любовь с простым увлечением или симпатией. Ведь нередко за громкими словами скрывается лишь поверхностное чувство – восхищение, внешностью, манерой говорить, блеском глаз. Люди говорят: *«Он мне нравится»*, *«Она такая красивая»* – и думают, что это и есть любовь.

Но разве можно назвать любовью то, что касается лишь оболочки, а не души? Эти легкомысленные признания часто оказываются пустыми словами, способными ранить того, кто услышал их всерьёз.

Меня всегда раздражала эта лёгкость, с которой люди бросаются словами о любви, будто они ничего не значат. Возможно, это особенность юности, того времени, когда чувства только пробуждаются, а сердце ещё не умеет различать глубину от иллюзии. Вспоминая подростковые годы, я понимаю: у каждого из нас были такие короткие, «недельные» отношения – мимолётные, как летний дождь. Они редко приносили плоды, зато оставляли след – опыт, понимание себя, попытку заглянуть внутрь собственной души. Может быть, именно в этих непрочных связях и заключался скрытый смысл: через другого человека мы впервые начали видеть себя – свои страхи, свои желания, свою способность чувствовать. И, быть может, именно так мы понемногу учились настоящей любви – той, что не ослепляет, а освещает. Я уверен, что подобный опыт необходим каждому. Без него мы не смогли бы вырасти, не смогли бы сформироваться как личности. Ведь именно из ошибок, сомнений и мимолётных увлечений складывается наше понимание, чувств, наших границ и чужих сердец. Главное, чтобы этот опыт не превращался в злоупотребление, не становился источником боли для другого. Любое чувство, как огонь: оно может согреть, а может обжечь. Всё зависит от того, в чьих руках этот

огонь окажется. Но, знаете, в каждой истории всё складывается по-своему. Часто сам влюблённый надевает розовые очки, и мир вокруг преобразается – становится мягче, теплее, светлее. И тогда трудно заметить, пользуются тобой или действительно отвечают тем же. Это уже зависит не только от обстоятельств, но и от самого человека, от его внутренней честности.

Я не исключение. Как и мгновение, я знаю, что значит потерять в этом ослепительном чувстве, где разум в этом отступает, а сердце ведёт вперёд, не глядя под ноги. И, пожалуй, настало время перейти к сути моей истории – к признанию, которое до сих пор отзывается болью и теплом одновременно:

Я совершил ту же ошибку – я полюбил тебя.

02.3

Я вырос в маленьком городке под названием Горловка, ничем особым не примечательном – обычный трудовой уголок, затерянный среди равнин. Здесь жизнь текла размеренно и однообразно: дом – работа, работа – дом, и так день за днём, словно кто-то раз и навсегда написал для всех один и тот же сценарий. Люди казались мне серыми силуэтами, спешащими по привычным маршрутам, растворёнными в пыли времени. Но за этой внешней серостью скрывалась удивительная сила – упорство, труд, честность, простая человеческая стойкость.

Мой город не мог похвастаться красотами природы, кото-

рые часто описывают в книгах, у нас не было ни гор, ни моря, ни пышных садов. Но я всё равно любил наблюдать за тем, что нас окружало. Нет, я не был ботаников и не стремился изучать каждую травинку, просто чувствовал, что природа – самый талантливый художник. Она создаёт свои шедевры без кисти и красок, без тщеславия и слов, – просто живёт, дышит, растёт. Город мой был прост, но со своей историей, своим ритмом, своим трудовым сердцем. Люди здесь не знали роскоши, но умели работать и именно их руками, их потом и терпением город держался, не угасал, жил. И в этом городе я делал свои первые шаги, здесь учился различать добро и зло, понимать людей, слышать ветер, который бегал по улицам, словно мальчишка. Он стал моим тихим, но верным спутником – город, где я учился мечтать, падать, вставать, идти дальше.

Развлечений у нас было немного – всё, что имело вкус радости, мы создавали сами. Соберёшься с друзьями во дворе, найдёшь старый мяч, и вот уже начинается целая жизнь: футбол, догонялки, «съедобное – несъедобное». А бывало, просто поднимаешь с земли ветку, и она в твоих руках превращается то в меч, то в волшебную палочку, то в микрофон, и вечер превращается в сцену. Это было весёлое, светлое время. Простое и чистое, как детство само – без претензий, без тоски по большому миру, где всё будто ярче, но не обязательно теплее.

Я любил проводить время на улице. Не знаю почему, но

именно там я чувствовал себя по-настоящему живым. И пусть мне сейчас всего двадцать три, я успел вкусить то самое настоящее детство то, которое сегодня, кажется, уходит из мира, уступая место экранам телефонов и холодному свету гаджетов. Сейчас дети сами лишают себя того бескрайнего, шумного, пыльного, но такого живого мира, каким был наш двор.

02.4

Для нас двор был вселенной. Каждый новый район казался неизведанной страной, где за углом ждали приключения, где начинались истории, придуманные нами же. Стоило только перейти в соседний район, и вот ты уже словно путешественник, открывающий новые земли, где живут другие дети, где другие площадки и тайны, где рождаются дружба и маленькие войны за территорию.

Помню один день особенно ясно. Мы с ребятами решили построить собственную халабуду – нашу крепость, наш секретный дом, куда не пускали никого из взрослых. Это было не просто укрытие из досок и веток – это было наше место силы. Там мы собирались вечерами, рассказывали друг другу страшные истории, делились мечтами и смеялись до слёз. Мы тащили всё, что только могли найти: доски, старые кирпичи, куски фанеры. В итоге получилась не столько халабуда, сколько хаотичная груда хлама, скреплённая нашей фантазией и детской верой. Но для нас это была настоящая крепость, построенная своими руками, без помощи взрослых. И

мы гордились ею.

Особенно помню, как мы изобрели собственный кран. Обычная пластиковая бутылка превратилась в чудо инженерской мысли: мы проделали отверстие в крышке, вставили туда соломинку, закрепили всё пластилином, чтобы не текло. Наполнили бутылку водой, перевернули – и вот, вода текла, стоило лишь снять прищепку, зажатую на трубочке. Нам казалось, что мы сотворили нечто гениальное, и в тот момент, наверное, так и было. Да, если бы взрослый посмотрел на нашу постройку со стороны, он бы, скорее всего, увидел кучу мусора, окружённую палками. Но для нас это был целый мир. Мир, где мы были создателями, изобретателями, исследователями – детьми, которые ещё верили, что всё возможно.

Естественно, наша «пещера» долго не простояла. Мы росли, выросли, и вместе с нами медленно исчезало то беззаботное время, когда палки могли быть шпагами, а старая фанера – стеной замка. Постепенно наш тайный дом чах, осыпаясь ветками и забытыми воспоминаниями, пока однажды не превратились в просто часть двора, где больше никто не играл. В тот период я уже стоял на пороге перемен – ещё ребёнок, но уже чувствующий дыхание подростковой жизни. Мир начинал меняться, становился чуть сложнее, а я – чуть внимательнее к себе и к людям вокруг. Мне было лет двенадцать, когда я впервые испытал то, что тогда казалось любовью. Первая симпатия, первая робкая влюблённость, сме-

шанная с наивной верой, что эти чувства – навсегда. Скажу прямо: тогда это была не любовь в её истинном смысле, а скорее трепет, восхищение, то нежное волнение, когда взгляд другого человека становится центром твоей вселенной. Но, пожалуй, именно в семнадцать я впервые понял, что значит *действительно* любить.

Говорят, детская любовь – это всего лишь игра, проба, опыт, иногда боль. Возможно, в этом есть доля правды. Но я всё же верю, что то, что я чувствовал тогда, было настоящим – просто по-детски чистым, безоговорочным. В тот момент тот человек стал для меня всем миром, который я не хотел терять. Но расстояние оказалось сильнее наших чувств. Всё растворилось во времени, как та старая халабуда – остались лишь воспоминания, и где-то в памяти до сих пор живут те голубые глаза, которые я больше не видел.

Но знаете...эта история не об этом человеке. Это было лишь веточкой, тонкой отросток моего становления, мой первый шаг к пониманию, что такое любовь и что я способен чувствовать. И потому, когда я встретил тебя – *тебя*, – всё внутри дрогнуло. Ты стала той, кто по-настоящему коснулся моего сердца. Не бурей, не внезапной вспышкой, а тихо, глубоко, словно кто-то зажжёт свет там, где я давно привык к полумраку.

02.5

Знаете, как я уже говорил, любовь бывает разной. Она многолика – нежная и страстная, светлая и разрушительная.

Порой в ней прячется тень, и тогда рождается то, что люди ошибочно принимают за проявлением чувств, хотя на деле это всего лишь жажда власти, болезненное стремление обладать. Ведь не сама любовь творит страшные вещи – это делают люди, идущие за своими низменными порывами, те, кто путает любовь с собственничеством, кто хочет посадить другого человека на цепь, превратить в вещь, в продолжение своей воли.

Так было и в моей семье. У нас существовало то, что можно было назвать *«любовью»* лишь по названию, ведь на деле она была ядом, разрушившим наш дом изнутри. Эта *«любовь»* принесла боль, оставила следы – не только на теле, но и в душе. Она осыпалась пеплом в каждом уголке нашей жизни, пока не остались лишь осколки, из которых потом приходилось заново собирать себя. Моя мать... Я считаю её самым удивительным человеком на этой планете. Для каждого ребёнка мать – это целый мир, источник тепла и доброты, но для меня она была чем-то большим. Она – мой свет, моя тишина, мой остров безопасности в буре. И я хочу объяснить, почему говорю о ней именно так, чтобы вы поняли, что это не просто сыновняя привязанность, а искреннее восхищение человека, прошедшим сквозь боль и не потерявшим способность любить.

Мама делала всё, чтобы у меня было детство, каким она сама не смогла насладиться. Она вкладывала в меня все силы, всю теплоту, все свои мечты, словно боялась, что мир

не даст мне того, чего не дал ей. Она не просто заботилась – она *жила* мной, жила ради меня. И, наверное, поэтому я никогда не боялся быть с ней откровенным. Помимо того, что она моя мать, она – мой самый близкий друг. Тот, кто может понять без слов, кто умеет слушать сердцем.

Я мог рассказать ей всё. Абсолютно всё – даже то, что для других, казалось бы, пустяком. Мелочи, о которых обычно молчат, она слушала с тем же вниманием, как и о чём-то важном. Я мог признаться, что разбил игрушку, что снова сорвал коленку или неудачно упал, гоняясь за мячом. Эти детские раны и ссадины будто соединяли нас – она всегда знала, как приложить ладонь, чтобы стало легче, и как улыбкой снять тревогу.

Но с годами я понял, что могу делиться с ней не только маленькими неудачами. Я мог говорить о том, чего сам боялся понять – о чувствах, о сомнениях, о тех вещах, от которых внутри всё путается и становится тесно. Она никогда не осуждала, не спешила с советами. Просто слушала. И, пожалуй, именно это было самым важным – ощущение, что тебя слышат, что твоя душа не звучит в пустоту. Так она узнала и о *тебе*. Не сразу, не в подробностях – сначала, как о тебе, что появилась в моих словах, в интонации, в том, как я стал задумываться дольше, чем обычно. А потом я всё-таки рассказал. Не мог не рассказать. Ведь если есть кто-то, кому можно доверить тайну сердца – это она.

И, как всегда, она лишь тихо улыбнулась, посмотрела на

меня с той самой мягкой улыбкой, в которой всегда чувствовались и усталость, и бесконечная нежность. Её взгляд был тихим, но в нём отражалось всё: понимание, любовь, забота, – то, что не нуждалось в громких словах.

– Главное, чтобы ты был счастлив, – сказала она, чуть тише, чем обычно, будто боялась спугнуть само это хрупкое состояние. – И я рада, что ты смог со мной поделиться.

Эти слова прозвучали просто, но в них было столько тепла, что в груди что-то дрогнуло. Казалось, в тот момент, между нами установилась невидимая связь – не между матерью и сыном, а между двумя близкими душами, которые умеют слышать друг друга без объяснений. Я понял, что именно в таких словах и заключается истинная любовь: не в советах, не в обещаниях, а в тихом принятии и искренней радости за твоё счастье, каким оно ни было.

Но это было ещё не всё. В тот момент за её спокойной улыбкой скрывалось нечто большее то, что я осознал лишь спустя время. Она помолчала, будто подбирая слова, как человек, понимающий, что сейчас скажет нечто важное, способное остаться в памяти на годы. И потом произнесла:

– Значит, тебе повезло почувствовать.

Тогда я не до конца понял смысл её слов. Мне казалось, это просто выражение поддержки, материнская фраза, сказанная с нежностью, но без глубокого подтекста. Однако время расставило всё на свои места. Теперь я знаю: она говорила не о тебе, а о самом чувстве, о той бесценной способно-

сти чувствовать, которая делает человека живым. Она словно напомнила, что любовь – это не всегда счастье и не всегда взаимность. Иногда это боль, разлука, тихая грусть, но в этом и есть её сила. Ведь пока мы способны чувствовать – мы живём.

Самое удивительное во всём этом заключалось в том, что, говоря, мне эти слова, она сама, как никто другой, знала цену любви. Той самой – настоящей, тёплой, бережной. И, может быть, именно потому её слова звучали так искренне, так пронзительно. Ведь она долгое время не имела возможности познать ту любовь, о которой мечтают все – любовь, в которой нет боли, страха, и зависимости. Только спустя многие годы судьба подарила ей встречу с человеком, который сумел согреть её душу, вернуть веру в добро и в то, что нежность всё же существует. Но до этого была долгая дорога – дорога через боль, через молчание и слёзы, которые она скрывала даже от меня.

02.6

Вы, наверное, уже поняли: мой отец был тем, кто гасил наш семейный очаг. Его любовь была разрушительной – она не согревала, а сжигала всё вокруг. В его руках забота превращалась в контроль, а слова – в оружие. И сколько бы она ни старалась, сколько бы сил ни вкладывала в то, чтобы сохранить дом, защитить меня, она не могла полностью заслонить меня от его тени. При всей своей безграничной любви ко мне, при всей своей внутренней стойкости, она оставалась

живым человеком – уставшим, израненным, но несломленным. И, возможно, именно в этом заключалась её настоящая сила: она не спаслась от всех бед, но она научила меня любить, не боясь боли.

Вот так, в один момент, когда я ещё был совсем маленьким, я увидел то, чего не должен видеть ни один ребёнок: как близкий и родной человек способен разрушить не просто любовь – он может уничтожить всё, что у него было. Все надежды, всю теплоту, всю жизнь, которая могла бы стать счастьем.

Это случилось не внезапно, нет. Скорее, отец долго носил на себе маску – привычную, спокойную, *«правильную»*. Но однажды эта маска треснула. И в ту минуту, когда она упала, перед нами предстал человек, чью *«любовь»* трудно назвать этим словом. Я увидел, какой бывает любовь, если в ней больше безумия, чем нежности, если она лишена заботы, но переполнена властью и страхом. Его чувство к матери постепенно исказилось, превратилось в манию, в навязчивую идею, в болезненное желание обладать ею целиком, подавляя её волю, её голос, её свободу. Это была не любовь – это была тёмная клетка, построенная руками человека, который сам был пленником своих страстей. И в этой клетке страдали все. Мы. Он. Наш дом, который когда-то был очагом, а затем стал местом, где каждый звук отдавался эхом насилия. Даже воздух казался пропитанным тревогой и болью.

Для ребёнка такое зрелище, как трещина в собственном

представлении о мире. Тогда я впервые понял, насколько хрупким бывает счастье, и как человек, который должен защищать, может неожиданно стать источником боли.

Эти годы были запятнаны чёрными красками – густыми, тяжёлыми, такими, что разъедают всё светлое, чего касается память. Они были пропитаны насилием и жестокостью, которые ребёнок не должен видеть, не должен знать, не должен впитывать в себя, как холод сырой стены. Но мне пришлось. И самое страшное заключалось в том, что с каждым днём, с каждым месяцем и годом удары становились всё сильнее, а ярость – всё безумнее.

Мы жили так, будто каждый день был минным полем. Ты не знаешь, в какой момент рухнет тишина. Не знаешь, когда отцовская кара настигнет тебя или мать. И в душе растёт страх – не тот, что приходит внезапно, а тот, что живёт в тебе постоянно, как второе сердце. Каждый вечер ты молишься лишь о том, чтобы он не разыграл свою жестокую игру, не сорвался окончательно, не убил её...

А самое ужасное было в том, что я – маленький, хрупкий – ничем не мог помочь. Моё детское тело было слишком слабым, чтобы встать стеной между ними. Я не мог стать щитом, не мог защитить ту, кто была для меня всем. И эта беспомощность росла внутри, превращаясь в вину, от которой потом не так просто избавиться. Я упрекал себя: где-то мог быть смелее, где-то сильнее, где-то, хоть немного, но защитить её. Хотя разумом сейчас я понимал – ребёнок не обязан

сражаться с чудовищем, но сердце всё равно помнит.

Причина всего это ужаса была до омерзения обыкновенной, ничтожной, не стоящей тех истязаний, которым она обернулась. Ревность. Та самая низшая, тёмная ревность, что не имеет отношения к любви. Если назвать это любовью, то лишь извращённой её тенью – собственничеством, стремлением запереть человека в клетке и навестить на его душу замок. Нет, это не чувство. И тем более это не оправдание. Это болезнь, которая пожирает всё вокруг.

Мама...она была слишком добра, слишком мягкая душой в тот период, чтобы уйти сразу. Она терпела, день за днём, год за годом, собирая на себе тень от его ударов и обид. Она приходила с работы уставшая, вымотанная, но всё равно стояла у плиты, стирала, убирала, словно надеялась, что хоть что-то сделает его добрее. Но для него всегда находилось «не так».

И всё же в её терпении была не только слабость – была и трагическая сила. Ведь мама никогда не знала, что такое отцовская любовь. Её собственный отец не дал ей того тепла, которое должно стать опорой ребёнку. И она отчаянно хотела, чтобы у меня было то, чего не было у неё: два родителя, дом, где есть отец, которым можно гордиться, чьё имя ассоциируется с защитой, а не страхом. Она надеялась, что однажды он изменится, что в нём проснётся то, что называется семьёй.

Она хотела дать мне мечту – даже ценой собственной бо-

ли.

02.7

Знаете, любовь бывает разной. И любовь к родителям – одна из тех, что приходит к нам раньше всех, ещё до слов, до осознания, будто вплетается в нас на уровне инстинкта. Мы растём с ней как с тенью индивидуального дыхания. Сначала она живёт в нас бессознательно, затем становится выбором – осозанным, твёрдым, наполненным заботой и теплом. Но сколько времени ни прошло, я до сих пор помню те картины – стоит лишь упомянуть о прошлом, и они оживают перед глазами, будто кто-то нажимает на внутренний проект памяти.

Мне иногда кажется, что я наблюдал происходящее со стороны. Как будто маленький я стоял рядом, немой и потрясённый. Так в ту ночь отец снова напал на маму. Она сидела в кресле, пытаясь прикрыть лицо руками, а он нависал над ней – грозный, яростный, словно тень, сгустившаяся в фигуру. И тогда я, девятилетний, худой, испуганный, но почему-то отчаянно смелый, прыгнул к ней на кресло. Вцепился руками в подлокотники, выставил своё тело перед его лицом, как нелепый, но единственный щит. Когда отец попытался избавиться от меня, чтобы расчистить путь к ней, он схватил меня за шиворот. Так резко и так сильно, что металлический замок на кофте вместе с грубой тканью впились мне в горло. Я тогда был маленьким, мой тонкий хрупкий позвоночник и нежное горлышко никак не могли выдержать такой удар.

Мир на секунду потемнел. Воздух перестал проходить.

И снова – как много раз до этого и после – моим спасением стала мама. Несмотря на то, что я попытался защитить её, она закрыла меня собой. Своим измученным, избитым телом она прикрыла меня от его ярости, подобно крылом. Такое повторялось годами.

Я знаю, что значит тайком выбегать из дома ночью, держась за мамину руку, когда за стеной раздаётся грохот. Знаю, что такое ночевать в подъездах зимой, чувствуя, как холод пробирается в кости, но всё равно быть спокойнее там, чем рядом с ним. Я знаю, что значит прятаться от садиста, который каждый вечер заливал в себя алкоголь, а затем принимался за своё «любимое» дело – крушить всё вокруг и мать в первую очередь. Это длилось долго. Слишком долго. И прекратилось только тогда, когда удар впервые пришёлся по мне, не как выговор за детскую шалость, не как случайность, а как осознанное, жестокое избиение. В тот момент что-то внутри мамы оборвалось. Она поняла: дальше терпеть нельзя.

02.8

Итог всей этой истории оказался неизбежен: развод. Но шрамы – те, что оставило насилие, – остаются со мной и по сей день. Я храню их не ради боли и не ради жалости; я говорю об этом потому, что и эта глава – тоже часть истории о любви. Только здесь любовь носила искажённый, изломанный облик, превратившись в то, что невозможно на-

звать этим светлым словом. В доме творился такой ужас, что многие подробности я сознательно оставляю за кадром. Они не украсят повествование, лишь омрачат его, а смысл давно понятен и без того.

Я рос – менялся внешне, и ещё сильнее внутри. Но, вопреки всему, эти сцены не сломили мой разум, не превратили меня в человека озлобленного или искалеченного. В какой-то мере я стал наследником той же внутренней крепости, что была у моей матери.

В подростковом возрасте во мне кипела ненависть. Я не хотел видеть отца, не хотел слышать его имени – ничего, что могло бы напомнить о нём. Но время странный врач: оно не лечит полностью, но затягивает раны, превращая пылающую боль сначала в тусклую тень, а затем в безразличие. Так и произошло со мной. Теперь мне всё равно, что у него происходит. Хорошо ему или плохо – не имеет значения. Главное одно: чтобы он никогда больше не касался ни меня, ни моей матери.

Со временем, когда я стал старше, многое прояснилось. Возможно, поэтому я был так привязан к матери, чувствовал её сердцем, как бы мы связаны чем-то большим, чем просто родство. Потому что она – единственный человек, который действительно хотел моего появления на свет. Когда она носила меня под сердцем, ей со всех сторон твердили: «сделай аборт». И она, не желая спорить, отправлялась «в больницу», а на деле ходила вокруг кварталов, делая вид, что возвраща-

ется оттуда. Придумывала истории: то врач якобы ушёл, то больница закрыта, то очередь слишком длинная. А сама покупала жареный пирожок – хрустящий, горячий, с картофелем и сидела на лавочке, медленно ела, стараясь не думать о том давлении, которое на неё обрушили. Наверное, поэтому я так люблю пирожок с картошкой, потому что благодаря им, таким простым и земным, моя жизнь однажды не была перечёркнута.

И именно по этой причине у меня никогда не было комплекса неполноты. Никогда не было зависти к тем детям, у которых был отец. Я не чувствовал себя ущербным, ведь у меня была мама, которая заменяла обоих родителей. Она стала для меня примером силы, света, стойкости и оптимизма – тем человеком, который каждый день доказывал: иногда один любящий человек стоит целого мира.

02.9

К сожалению, чередой печальных событий на этом не оборвалась. Судьба словно решила проверить меня на прочность ещё раз и на мой город, как и на многие другие, обрушилась война. Она пришла внезапно, подобно тени, упавшей с неба, – непредсказуемая, до костей ледяная, беспощадная. Война – это не просто бедствие. Это безликое чудовище, которое шагает по земле, не различая ни стариков, ни детей, ни тех, кто виноват, ни тех, кто просто жил. Она как дыхание тьмы, от которого не спрятаться, не укрыться, потому что никогда не знаешь, где прогремит следующий взрыв и

коснётся ли он тебя или тех, кого любишь.

Я видел смерть – не в книгах, не в фильмах, а перед собой, рядом, там, где ещё вчера проходил мой обычный день. Видел людей, чьи жизни обрывались за секунды, чьи крики растворялись в грохоте снарядов. Это было зрелище настолько тошнотворное, что даже те ужасы, которые я пережил в собственном доме, рядом с этим казались другими, меньшими – не потому, что они были не страшны, а потому, что война перемалывает всё: судьбы, надежды, воспоминания, саму способность верить в стабильность мира.

Я видел истязания, боль, растерянные лица тех, кто ещё минуту назад верил, что доживёт до завтра. Видел, как хрупко устроено всё, что мы принимаем за нормальность. И каждый новый день превращался в испытание неизвестностью: «выживем ли?», «дойдём ли домой?», «встретим ли утро?». Этот опыт стал новым рубцом – глубоким, тяжёлым, неизгладимым. Война, как и насилие в семье, оставляет след, который невозможно стереть, но можно научиться носить.

В тот период мы столкнулись не только с войной, но и с голодом, с потерей веры в привычный мир. Часто приходилось искать убежище в подвалах, неделями сидеть без света и воды, слышать за стенами грохот, который не оставлял покоя ни днём, ни ночью. И всё же в такие моменты люди объединялись. Страх и неизведанность не ломали их, а наоборот – пробуждали в них невероятную способность помогать друг другу, делиться последним куском хлеба, словом

поддержки, вниманием.

Особенно ярко в памяти остался один эпизод. Обычный урок в школе прервал сигнал тревоги. Мы бросились бежать, будто на привычной тренировке, но в этот раз это была не практика – это была настоящая опасность. Мы спустились в подвал, где под приглушённым светом фонарей, прыгающих как солнечные зайчики по нашим лицам, тьма становилась почти живой. Подвал, на первый взгляд страшный, сырой и холодный, оказался удивительно уютным. Там, среди тёплых пледов, бесед и смеха, мы находили утешение. Каждое тихое слово, каждое осторожное движение друг друга внушало надежду, делало нас ближе, делало нас сильнее.

В это время, когда я учился в восьмом классе, моя мать уехала на заработки в другой город – далеко от нашего, в другое на то время государство. Она понимала, что должна быстро заработать, чтобы обеспечить нас и как только появится возможность, забрать меня к себе. Вы, наверное, спросите: почему она оставила ребёнка под гнётом войны, под небом, пропитанным грохотом ракет? Не спешите осуждать, не зная всей правды. В то время с деньгами было крайне тяжело. Место, куда она поехала работать, едва ли можно было назвать комфортными: маленькие комнаты, несколько человек на квадратный метр, ночёвка на простом матрасе на полу. Её труд был тяжёлым. И только благодаря этому она могла сохранить нас, дать шанс на жизнь.

Поэтому я остался в нашем городе. Где уже была своя

квартира – скромная, но твёрдая опора, место, где можно было выжить, где можно было ждать её возвращения, где были стены, способные защитить хотя бы от холода и мрака. Там, среди тревог, тревог и темноты, я учился терпеть, быть сильным и верить, что любовь и забота матери способны преодолеть любые расстояния и испытания.

02.10

Война действительно страшна. И, к сожалению, даже по сей день многие продолжают жить этим кошмаром, день за днём, будто его невозможно оставить позади. Мне повезло: я смог выйти из этого круга ада. Физически меня он не задел, но коснулся разума, оставил свой невидимый отпечаток. И тем не менее, слава Богу, я вырос здоровым, оптимистичным и коммуникабельным человеком. Не знаю, каким чудом или силой, но вместо того, чтобы сломать, эти испытания укрепили меня, сделали внутренне сильнее, выносливее.

Когда я закончил девятый класс, у мамы появилась возможность забрать меня к себе. Она уже познакомилась с молодым человеком, который, как оказалось позднее, не был лучше моего отца. Не в плане насилия – этого здесь не было, а в плане слабости, нытья и неспособности быть опорой. Этот новый мир был непростым: в нём мне пришлось заново учиться доверять, выстраивать отношения, наблюдать за взрослыми, которые порой не соответствуют твоим ожиданиям.

И именно в том городе я встретил её – ту, которая до сих

пор тяготит моё сердце. Любовь, как я понял, бывает коварной. В моём опыте в ней, кажется, больше боли, чем радости. Может быть, это только моё ощущение, ведь я знаю людей, которым повезло: они встретили достойного партнёра, человека, который ставит их выше всего, так же как они сами умеют ценить и любить.

Но моя любовь – другая. Она проживает внутри меня одновременно как свет и как тень, как радость и как тревога. Она сформировала моё сердце и разум, научила понимать, что настоящие чувства не бывают лёгкими. И хотя порой боль кажется чрезмерной, я понимаю: без неё не было того, кем я стал.

02.11

Я был ещё сырой, шестнадцатилетний подросток, со своим неполным мировоззрением, жадный до впечатлений и знаний, который только начинал познавать новый город, новые места, новое окружение. И знаете что? Впервые меня окружали те самые картинки, о которых раньше можно было только мечтать: изобилие зелени, величественные горы, безбрежное море. Этот город был чистым, местами вдохновляющим, словно созданным для того, чтобы напоминать о том, каким может быть настоящий мир – светлым, ярким и полным природы.

Я видел море и раньше, когда мы ездили отдыхать всей семьёй. Несмотря на упрёки отца о таких поездках, я помню, как не хотел вылезать из воды. Губы синие от холода, ноги

ледяные, но я кричал матери, что не замёрз, и бежал ловить очередную волну. Волна сбивала с ног, уносила прочь, и ты невольно глотал морскую воду, корчил лицо от неприятного вкуса, но снова прыгал в поток. Всё это было одновременно страшно и волнующе – ощущение жизни, свежести, свободы, которая не знает правил и ограничений. А вечерами набережная. Ты идёшь, чувствуя под ногами тепло плит и песок под подошвами, и видишь тысячи огней, отражённых в воде, которые мерцают, как маленькие звёзды, разбросанные по земле. В такие моменты понимаешь: мир может быть другим. Он может быть красивым, тихим, без тревог и боли, которых тебе довелось пережить так много. И в этом ощущении есть магия – ощущение, что жизнь способна быть мягкой, светлой и полной вдохновения, если только дать шанс её увидеть.

И когда я оказался в этом новом городе, я вновь ощутил на своём лице свежий, тёплый поток воздуха. Он дул словно с другой реальности, и в этом дыхании было что-то живое, пробуждающее в памяти воспоминания и пробуждающее новые ощущения. Я был удивлён: насколько каждый город уникален, и как каждая улица, каждый дом, каждый уголок способны создать собственную атмосферу, привести в жизнь неповторимую нотку событий.

Но вместе с удивлением пришёл и страх – страх неизвестности. Я расстался не только с родным городом, но и с друзьями, со школой, с привычным миром, который казался

безопасным. И потому первые месяцы были полны тревоги, робости и смутного недовольства. Подросший подросток в чужом городе, ещё не понимающий, что всё это делается для его же благ, чувствовал себя потерянным. Город был маленьким, развлечений было немного, а зимой он казался совсем замершим, словно все вокруг уснули, оставив меня одного со своими страхами. Ожидания и реальность не совпадали и это добавляло внутреннего напряжения.

С годами я познавал город глубже. Но с каждым шагом ощущение невидимой клетки росло: улицы, дома, привычки местных, словно накладывали на меня невидимые око-вы, ограничивая свободу, сдавливая грудь. Быть туристом в этом городе было легко, приятно, интересно, но быть его жителем оказалось другим испытанием. Возможно, это только моя неспособность за пять лет по-настоящему проникнуть в его суть, понять то великолепие, которым гордились местные.

Жалею ли я о том, что жил там? Ответ неоднозначен. Порой да – за трудности, одиночество, внутреннее напряжение. Порой нет – за уроки, силу, которую я там обрёл, за умение быть собой, несмотря на давление окружения. Этот горд стал для меня школой жизни. Здесь я вырос, здесь стал совершеннолетним. Здесь я выковал своё понимание ценностей, сформировал собственные устои, определил принципы, по которым готов жить. И хотя порой он давил, ограничивал и пугал, именно здесь я стал взрослым – не только телом, но

и духом.

02.12

Как только я приехал в этот город, передо мной встал новый вызов – нужно было поступить в колледж. К сожалению, город не отличался разнообразием учебных заведений, поэтому выбор был крайне ограничен. Он сводился к одной единственной специальности, которая, честно говоря, занимала в моём сердце лишь промежуточное место. Это была творческая сфера, не совсем чуждая мне, но и не близкая, скорее где-то посередине, если оценивать по шкале от ста – около двадцати процентов от всей моей внутренней привязанности.

Когда наступил день вступительного экзамена, внутри всё бурлило: тревога, волнение, предчувствие неизвестности. Но снаружи я пытался выглядеть иначе: оптимистичным, уверенным, даже умудрялся поддерживать тех, кто тоже переживал. И знаете, в таких ситуациях очень ясно осознаёшь, что ты не один. Таких, как ты, много, и они проходят вместе с тобой эту странную «участь» – волну испытаний, смешанную с надеждой и страхом. Порой смех становился для меня своего рода защитной реакцией. Он помогал сохранять рассудок, контролировать внутренний хаос и держаться на плаву, когда сердце норовило выскочить из груди. Поэтому в тот день я просто улыбался предстоящему экзамену. Смеялся над собой, над обстоятельствами, над теми мелкими тревогами, которые казались такими огромными в

этот момент. И эта улыбка была не лицемерной, она была моей бронёй. Смех позволял мне чувствовать себя сильным, даже когда внутри всё трепетало от волнения и страха перед неизвестным.

Но знаете, как только я сел за стол, чтобы приступить к экзамену, мой смех постепенно утих. Я обернулся по сторонам и увидел, как другие участники уже усердно работают. Нам выдали привычные фигуры – три геометрические формы, которые обычно ставят на экзамен по художественной школе. Казалось бы, простая задача, но взгляд на то, как их рисуют другие, сразу заставил меня почувствовать себя новичком. Все вокруг имели опыт. Они умели переносить линии на бумагу уверенно, с точностью и лёгкостью, которую я в тот момент мог только позавидовать. Я же – единственный среди них, кто почти не имел практики, кроме уроков в школе по изобразительному искусству. И что оставалось мне? Только наблюдать и учиться.

Я начал внимательно следить за каждым движением, за тем, как ставили линии, строили формы, создавали пропорции. Медленно, осторожно, применяя их методы на своей бумаге, я начал выстраивать собственную композицию. Карандаш в руках казался сначала непослушным, но постепенно подчинялся мыслям. Линии соединялись, фигуры приобретали объём, и к концу работы передо мной возникла целостная картина. Для новичка она выглядела вполне достойно – я был доволен собой. Но как только я подумал, что за-

кончил, заметил, что остальные начинают добавлять штрихи, тени, блики – оживлять свои работы. Кто-то делал это аккуратно и уверенно, кто-то неуклюже, а кто-то в своём уникальном стиле, смешивая подходы. Вдохновлённый этим, я решил сделать то же самое.

Волнение охватило меня вновь: я никогда прежде не работал с тенями и бликами, и каждая линия казалась одновременно пугающей и захватывающей. Но в этом был свой неповторимый азарт – чувство, что ты открываешь что-то новое, испытываешь свои силы и расширяешь границы привычного. В тот момент я понял одну простую истину: даже если я не поступлю, я не буду расстраиваться. Ведь это был опыт – важный, ценный, формирующий меня как личность. Лучше пробовать, учиться и развиваться, чем сидеть в стороне и ждать чуда. И именно это осознание придало мне уверенности, спокойствия и лёгкую радость: я сделал шаг в неизвестное, и этот шаг уже был победой.

В конце концов, мы все закончили работы и сдали их. Я направился домой, но по дороге остановился на мгновение у берега. Море в тот день лениво и спокойно шумело, волны мягко катились, меняя свои обороты, словно ритм самой жизни. Я просто стоял и смотрел на эту бесконечную гладь воды, стараясь на время отгородиться от тревожных мыслей, которые неотвратимо преследуют любого человека, только что окончившего экзамен. В этот момент я почувствовал, что мы все проходили через что-то одновременно страшное

и волнующее. Страшное – потому что предстоит неизвестность, а волнующее – потому что маленькая победа открывает двери в будущее. Казалось бы, всего лишь мелочь рисунков, экзаменов, штрихов на бумаге, но именно через эти мелочи формируется путь, который ведёт к новым этапам жизни.

Я стоял, погружённый в свои мысли, пока время не клонилось к вечеру. Чайки летали над водой, издавая свои странные, непонятные звуки, словно разговаривая на своём языке, и это добавляло странного уюта моменту. Воздух был свежий, солёный, а горизонт огромный и открытый, манящий неизведанностью.

И тогда я понял, что пора идти дальше. Пора сделать шаг в новую главу своей жизни, принять вызовы, которые ждут впереди, и смело двигаться навстречу будущему, каким бы оно ни было. Море продолжало шуметь, благословляя этот шаг, и я, вдохнув полной грудью, отправился вперёд к новым открытиям, новым чувствам и новым возможностям.

02.1

Я сидел в огромном зале, где собралось под сотню, а, возможно, и больше учащихся, успешно поступивших в этот колледж. Подобно массовка в телешоу, все мы были частью единого потока, где каждый ощущал одновременно радость и волнение. Зал поражал своими размерами, высотой потолков, вычурными узорами, сложной архитектурной и изяществом деталей. Но больше всего завораживала сцена: длинная, протянувшаяся горизонтально, она могла вместить це-

лый ряд табуретов, однако на ней стояли всего пара-тройка человек – ведущая и несколько представителей администрации колледжа.

По телефону мне сообщили, что я поступил. Новость эта стала настоящим светлым лучом в тот день. Внутри меня уже жило предчувствие победы – странное чувство, которое я не мог объяснить словами. В нашей семье существовало что-то вроде чутья – интуиции, тонкой внутренней уверенности. С годами это чувство только усиливалось. У мамы оно было сильнее, у меня чуть слабее, но всё равно осязаемо. И когда я получил официальное подтверждение, я не был удивлён, я принял это как должное, с радостью и облегчением.

Моя мама была счастлива вместе со мной. Мы шутили, смеялись, обменивались лёгкими подколами, снимая напряжение. Плотный семейный ужин, который она организовала в честь поступления, стал маленьким праздником: тёплым, уютным, наполненным смехом и радостью.

Мы жили в хорошем районе города, но наш дом выделялся скорее своей скромностью. Он стоял не на центральной улице, а в старой застройке – узкий, с домиками по бокам, без двора, только маленький участок, где теснились соседи. Мы занимали второй этаж старой постройки. Снаружи дом выглядел, как пережиток прошлого, а внутри – сохранил следы времени, свой характер и атмосферу старинности. Я жил в этой квартире почти три года. Она оставила отпечаток в памяти, но никогда не была для меня настоящим домом –

местом, куда хотелось вернуться. Напротив, это был дом, из которого хотелось уйти, стены сами шептали: «Стань сильнее, иди дальше». Но мне грех жаловаться. Главное, что была крыша над головой и рядом самый близкий человек – моя мама. Конечно, порой, как любой глупый и обыкновенный подросток со своим характером и собственными тараканами в голове, я устраивал ей сцены по самым незначительным поводам. Не осознавал, что каждая из этих возможностей, каждый представленный шанс – это подарок судьбы, за который нужно быть благодарным.

Сидя в том огромном зале и участвуя в этих торжественных церемониях, я ощущал, как открываются новые двери – двери под названием «колледж». Это было что-то большее, чем просто учебное заведение. Это был первый шаг в взрослую жизнь, первый ключ к самостоятельности, первые возможности испытать себя в новом пространстве, где все правила и законы ещё предстояло изучить. После официальной части нас собрали в группу по факультетам. Я до сих пор, глядя на фотографии того времени, улыбаюсь: мы были забавными, слегка «упорными» детьми, которые искали своё место в этом мире. Каждый пытался выделиться – в одежде, в движениях, в пафосной позе, словно всем хотелось показать, что они самые крутые, самые уверенные. Навивность, амбиции, стеснительность и одновременно желание быть замеченным, всё это смешалось в одном хаотичном, но живом потоке подростковой энергии. И в этом было глав-

ное: несмотря на нашу юность и неуклюжесть, каждый из нас стремился к чему-то большему, пытался найти себя, свой стиль, свою дорогу. Я наблюдал за этим и понимал: впереди годы, которые будут формировать меня, мой характер, мои ценности и, возможно, мои первые настоящие чувства.

02.2

Так началась моя будничная, почти механическая жизнь – дом, колледж, дом. Казалось бы, всё должно было идти ровно, без особых потрясений, но, как это часто бывает, любое новое начало скрывает в себе собственные изъяны и подводные камни.

После поступления меня ожидал неприятный сюрприз: формально я числился иностранным гражданином, всего лишь из-за пары мелких бюрократических нюансов. У меня не было российского паспорта, только ДНР, и, несмотря на то что наш город уже считался частью России, на деле мы были ей лишь «на словах». Для документов же я был чужаком, пришельцем в собственной стране.

Как и всем иностранным студентам, мне полагалось общежитие. Изначально предполагалось, что именно там я и проведу часть своей студенческой жизни. Но, по сути, я появлялся там только ночевать, ведь у меня была квартира, пусть и далёкая от идеала, но всё же крыша над головой. Самое обидное было именно в этом: иметь жильё, но по факту существовать частично в общежитии – шумном, тесном, полном случайных людей. Комнату я делил с тремя соседями, и

их присутствие, мягко говоря, не ограничивалось их телами. К ним постоянно приходили друзья: посидеть, поговорить, провести время, посмеяться, пошуметь. Я же всё это время пытался отгородиться – наушниками, книгами, мыслями. Но никакая музыка не заглушала чужие голоса, никакое чтение не спасало от ощущения тесноты и раздражения, которое год за годом копилось, превращаясь почти в глухое внутреннее эхо.

А ещё уборки... О, эта вечная дисциплина. Каждый день комната отвечала за свою зону: кухня, туалет, коридоры – бесконечный круг обязанностей, наравне для всех. И неважно, готовил ты или просто прошёл мимо, швабра всё равно окажется в твоих руках. Это было похоже на какое-то подобие кадетской школы, где тебя приучают к труду строгим расписанием и обязательствами. И над всем этим царствовала комендантша – бдительная, по-своему надзиратель в маленьком государстве из четырёх стен и общего быта.

Так проходили мои дни. Я «жил» там, а вместе со мной жили и несколько вещей – оставленные лишь ради видимости, будто подтверждение того, что я действительно числюсь жильцом.

Каждое лето мне приходилось уезжать из этого города и возвращаться на родину – в свой родной, хоть и угасший, но по-прежнему любимый дом. Не потому, что я скучал, а потому что вынуждал миграционный учёт: документы позволяли мне находиться в городе только в период обучения. Летом же

ответственность за меня прекращалась, и я становился сам по себе, как будто выпадал из системы и становился невидимым. Так складывалась моя молодая, внешне спокойная, но внутри тревожная жизнь: между двумя городами, двумя реальностями, двумя домами.

Если честно, я вовсе не возражал против того, чтобы ехать в родной город – даже таким, каким он стал: опустошённым, надломленным, заполненным людьми, которые, словно тени, просто числились, существовали, а не жили по-настоящему. Война медленно, но неумолимо разъедала его, как ржавчина металл, меняла лица улиц, стирала цвета, но всё же... Знаете, удивительно, как люди умеют цепляться за жизнь. Они всё равно радовались мелочам: солнечному утру, запаху хлеба у местного магазина, тёплым разговорам во дворах. Они умели отыскивать крупинцы счастья там, где казалось, искать уже нечего. Жили, пусть иногда и в страхе, но жили – принимая эту реальность, непрощенного соседа, с которым всё-таки научились уживаться.

И каждое лето для меня превращалось в маленький праздник. Я снова приезжал к друзьям, и мы проводили вместе большую часть времени. Бродили по улицам, выбирались на окраины, искали приключений там, где их, казалось, не могло быть, и всё равно находили. Мне действительно было весело. Компания у нас была большая, разношёрстная, шумная. Собирались мы, как правило, одной той самой старой группой, что держалась годами. Наша дружба была лёгкой,

яркой, смешной, полной подростковой безбашенности. Но была ли она настоящей? Теперь, оглядываясь назад, я понимаю: кто-то был близок мне по духу, а кто-то существовал рядом просто по численности, как часть общей массы.

И всё же я наслаждался этим временем. Наслаждался до конца, но перестал привязываться. Потому что понимал: они подарили мне красивые, шумные, беззаботные дни так же, как и я им, и этого уже достаточно. Важно не то, кого ты удержал, а то, что ты прожил вместе с ними. Теперь, когда мне двадцать три, всё это кажется почти чужой жизнью. Мы давно уже не общаемся. Наверное, наш общий огонёк начал угасать ещё в годы колледжа, тихо, незаметно. А с самым близкими друзьями мы разминулись окончательно после того, как я закончил учёбу: я перестал приезжать, ограничиваясь лишь поездками через границу, чтобы продлить учёт, и сразу возвращался обратно. Наши разговоры постепенно свелись к стандартным, пустым фразам тем, за которыми скрывается не связь, а вежливость. Так дружба, хранившаяся годами, медленно превратилась в просто знакомство. Люди, которые когда-то значили многое, стали лишь тенью в памяти – неизбежно, тихо, как всё в этой жизни, что не удержишь руками.

Я лишь спустя годы нашёл в себе мужество извиниться перед матерью, которая когда-то, в самый переломный момент моей юности, вывезла меня из родного города, не подзревая, какую бурю чувств подняла во мне. Тогда я не пони-

мал её, не мог принять её решения и уж тем более – увидеть в нём благо. Я был ослеплён своими мечтами и привязанностями: друзьями, привычным укладом, планами, которые уже казались мне выстроенными от начала до конца. Ведь я думал остаться. Хотел доучиться одиннадцать классов и затем поступить в медицинский университет. Медицина была не просто интересом – она стала частью меня, моей внутренней стихией. Ещё в шестом классе я буквально жил учебниками биологии и химии, прикинул к ним, как к сокровищам, которые только и ждали, когда я стану старше, чтобы раскрыть передо мной свои настоящие глубины. Я с нетерпением ожидал тех дней, когда эти предметы войдут в мою школьную программу, и, казалось, судьба услышала меня. Моей классной руководительницей оказалась именно учительница химии – местами строгая, но мудрая и удивительно преданная своему делу. Она вкладывала в нас не только знания, но и уважение к науке, к точности, к поиску истины. Я до сих пор уверен: это была не просто случайность, а знак. И когда в девятом классе нам объявили, что помимо обязательных экзаменов мы будем сдавать ещё и химию, многие вздохнули тяжело... а я, наоборот, испытывал ту тихую радость, когда мечта делает шаг навстречу.

И всё же путь, который будто бы сам собой складывался передо мной, неожиданно оборвался. Будто судьба, дав мне надежду, резко закрыла двери, оставив лишь слабый отблеск несбывшегося. Моя мечта стать хирургом раствори-

лась в прошлом, спряталась где-то глубоко, на той полке сердца, где хранятся вещи дорогие, но недостижимые. С тех пор я продолжал изучать медицину в одиночку, тайком, дома – больше для души, чем для будущего. Может быть, поэтому меня до сих пор обжигает гнев, когда я сталкиваюсь с некомпетентными врачами. Гнев такой, что превращается в ярость. Я видел таких специалистов...и, к сожалению, чувствовал последствия их невежественных решений на себе. Но об этом – позже. Скажу лишь одно: печальна не сама медицина – печальны люди, которые занимают в ней места тех, кто мог бы служить ей с чистым сердцем и огнём в глазах. Тех, кто мечтал о ней так же сильно, как когда-то мечтал я.

02.3

Как я уже упоминал, новый город оказался слишком мал для большого выбора, и потому мне пришлось принять то, что предлагала реальность. Не скажу, что я испытывал ненависть к своей специальности – нет, этого не было. Но временами, сталкиваясь с отдельными заданиями, я уставал до раздражения. Меня угнетала сама необходимость заниматься тем, к чему я не чувствовал внутреннего огня, того пламени страсти, что движет человеком вперёд. Больше всего терзала мысль о том, что я вынужден отдавать этому часть своей жизни, будто связывая её с тем, что никогда не станет моей настоящей стезёй.

Вот помню: был у нас предмет – анатомия. Мы рисовали всё, шаг за шагом, от костей к мышцам, от мышц к поверх-

ностным формам, пока не доходили до человеческой оболочки, той, что скрывает под собой целый мир. Каждая тема была маленьким путешествием: сначала суставы, затем сухожилия, формы черепа, изгибы позвоночника... Мы аккуратно выводили эти линии на больших листах, форматах вроде ватмана, где каждая ошибка выглядела как рана на белой поверхности. И мало было просто нарисовать. Например, выполнив рисунок кисти, мы обязаны были рассказать о каждой её косточке: где она расположена, какую функцию выполняет, как соединяется с соседними и что делает движение таким, каким мы его знаем. Признаться, эта часть мне нравилась больше всего. В ней было что-то от той мечты, что я когда-то носил в себе – мечты о медицине. Этим заданиям я отдавался охотнее, внимательнее, словно возвращался к тому, что по-настоящему любил. Но вот рисование... Сначала мой пыл был горяч, руки сами просились к карандашу – мне хотелось создать что-то настоящее, сложное. Однако, чем дальше я пытался, тем чаще слышал замечания. Постоянные недочёты, просьбы переделать, исправить, изменить. И я переделывал – раз, второй, третий, только чтобы услышать то же самое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.